В. С. Савельев

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЛЛОКУТИВНО ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СООБЩЕНИЯ О БЫВШЕМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

В статье анализируются устные высказывания персонажей «Повести временных лет». Автор устанавливает, что многим из них свойствен признак иллокутивной полифункциональности (понятие, впервые вводимое автором статьи), который состоит в способности высказывания в процессе одного локутивного акта быть использованным одновременно в нескольких иллокутивных функциях, при этом иллокутивно полифункциональными могут быть как прямые, так и косвенные речевые акты. Автор описывает иллокутивно полифункциональные высказывания, которые являются минимальными коммуникативными единицами, на примере сообщений о бывшем, настоящем и будущем. В результате автор выстраивает типологию таких высказываний и определяет условия их употребления.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», иллокутивно полифункциональные высказывания, сообщения о бывшем, настоящем и будущем.

This article is devoted to spoken utterances of characters in The Tale of Bygone Years. We have determined that many of these utterances have a feature which we name illocutionary multifunctionality (a concept first described by us). It means that they are able to be used as some different illocutionary acts in one locutionary act at the same time. We define that this feature can be inherent both to direct and indirect speech acts. We examine the use of illocutionary multifunctional utterances which can be determined as minimum communicative units on the material of communications about events happening before, during and after the moment of speech. This allows us to determine the typology of these utterances and some principle of their use.

Keywords: The Tale of Bygone Years, illocutionary multifunctional utterances, communications about events happening before, during and after the moment of speech.

К постановке проблемы

Одним из главных принципов речевой деятельности является следование закону экономии речевых усилий (см. [Мартине, 1960: 126]), затрагивающему все уровни использования языковых знаков. При этом говорящий приводит в действие различные «механизмы», позволяющие реализовать его стремление использовать меньшее количество знаков для передачи большего объема информации. В частности, этому служит **полифункци-**

ональность знака, состоящая в его способности выражать одновременно несколько значений в пределах одного контекста (именно так используются многие русские морфемы). Вполне естественно, что грамматическое понятие кумуляции вполне может быть применено и к коммуникативным единицам русского языка.

Одной из основных категорий, используемых при описании коммуникативных единиц вне зависимости от того, как эта категория именуется в той или иной системе описания, является **иллокутивная функция высказывания** (далее – ИФ), введенная в научный оборот в рамках теории речевых актов (далее – ТРА). Общепринятым является представление о том, что «одно и то же предложение <…> может быть использовано говорящим с разными намерениями» [Кобозева, 1986: 15] в зависимости от того, в каких коммуникативных условиях оно произнесено (написано). Таким образом, в данном случае реализуется парадигматический подход, представленный и при описании единиц других уровней (фонема – аллофоны, морфема – алломорфы, лексема – словоформы, слово – лексико-семантические варианты): высказывание представляет собой некоторую парадигму конкретных реализаций, различающихся иллокутивными функциями. «Одни предложения в силу своей структуры оставляют свободу использования в речевых актах разных иллокутивных типов; другие предсказывают тип речевого акта более однозначно. Иллокутивное предназначение – это компонент смысла предложения, предопределяющий возможности его употребления в речевых актах тех или иных типов» [Падучева, 2001: 31]. Такое понимание полифункциональности, родственное пониманию многозначности (см. подробнее [Панков, 2004: 114–116]), служит основой для разграничения прямых речевых актов (далее – ПРА) и косвенных речевых актов (далее – КРА).

То, что в большинстве случаев авторы лингвистических работ придерживаются представлений о монофункциональности высказывания, употребляемого в конкретных коммуникативных условиях, чаще всего не постулируется, но это становится очевидным из характера приводимых примеров; описание иллокутивного акта чаще всего приводит к установлению конкретного коммуникативного намерения говорящего: ИФ высказывания признается или вопрос, или просьба, или предостережение, или запрет и т. д. (см., например, [Вежбицка, 2007: 79; Дементьев, 1999: 32–34, 39; Дементьев, 2010: 171; Падучева, 2001: 31, 38; Федосюк, 1997: 108, 109]).

Действительно, некоторые высказывания в их конкретном употреблении оказываются монофункциональными даже в тех случаях, когда исследователи намекают на их полифункциональность. Например, одной ИФ обладают КРА в случаях, описываемых одним из основоположников

ТРА Дж.Р. Серлем, который указывает, что «иногда говорящий произносит предложение, имея в виду непосредственно то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием. Напр., можно сказать «Можете ли Вы достать соль?», имея в виду не просто задать вопрос, а попросить передать соль» [Серль, 1986: 195, 196]. Действительно, в случае произнесения высказывания «*Можете ли Вы достать соль?*» коммуникативной целью говорящего не является требование информации от собеседника о том, способен ли он дотянуться до соли, т. е. он говорит не то чтобы «имея в виду не просто задать вопрос, а попросить передать соль», а скорее просит передать соль, не имея при этом в виду задать вопрос. Таким образом, рассматриваемый КРА не является иллокутивно полифункциональным, поскольку он служит единственной коммуникативной цели говорящего – каузировать собеседника передать соль; при этом способность собеседника дотянуться до соли входит в условия успешности речевого акта – если бы не было очевидным, что он способен это сделать, высказывание «*Можете ли Вы достать соль?*» нельзя было бы использовать как просьбу.

Анализируя тот же пример, Дж.Р. Серль пишет, что КРА типа «*Можете ли Вы достать соль?*» сохраняют свое пропозитивное содержание («В случае косвенных речевых актов присоединяется не некое добавочное или новое значение *предложения*, но дополнительное значение, привносимое *говорящим*» [Серль, 1986: 207, 208]), в связи с чем они могут быть восприняты буквально – в данном случае не как просьба, а как вопрос и, как следствие, «когда одно из этих предложений высказывается с первичной иллокутивной целью побуждения, одновременно также осуществляется и буквальный иллокутивный акт» [Серль, 1986: 208]. Однако тот же ход рассуждений позволяет прийти и к другому выводу: произнесение высказывания «*Можете ли Вы достать соль?*» в конечном итоге все равно сводится к выбору слушающим одного из двух возможных его толкований – как вопроса (ПРА) или как просьбы (КРА).

Между тем далеко не всегда иллокутивная составляющая высказывания может быть сведена исключительно к какой-либо одной функции, и эта точка зрения так или иначе отражается в исследованиях лингвистов.

Дж. Р. Серль, описывая вопросно-ответные единства типа «(1) Студент X. *Давай пойдем в кино вечером*. (2) Студент Y. *Я должен готовиться к экзамену*», указывает, что в высказывании (2) осуществляется первичный иллокутивный акт – отклонение предложения – и вторичный иллокутивный акт – утверждение необходимости подготовки к экзамену, и приходит к выводу, что понимание первичного иллокутивного акта обеспечивается оценкой

релевантности произносимого высказывания как вторичного иллокутивного акта (см. [Серль, 1986: 197]).

Дж.Ф. Аллен и Р. Перро объясняют подобное «наращение» смысла существованием «модели предупредительного поведения», в рамках которой собеседник может давать дополнительную, не запрашиваемую говорящим информацию, определив то, какая информация может понадобиться говорящему в принципе, ориентируясь при этом на свое знание о типизируемой ситуации внеязыковой действительности: «Хорошая вопросно-ответная система часто должна давать ответ, содержащий больше информации, чем эксплицитно требовалось в вопросе. <…> Рассмотрим, например, следующий обмен репликами в справочном бюро на железнодорожном вокзале. (1.1) Клиент: *Когда отходит поезд на Монреаль?* (1.2) Сотрудник: *В 3.15, с 7-го пути.* Хотя о месте отправления специально не спрашивалось, сотрудник справочного бюро дал об этом информацию в своем ответе. <…> Высказывание (1.1) сообщает слушающему, что говорящий хочет узнать время отправления поезда. Но в этом плане могут присутствовать также и другие цели, которые эксплицитно не выражены, но также представляют собой препятствия. Предупредительный ответ попытается учесть эти препятствия, равно как и те, которые были выражены эксплицитно» [Аллен, Перро, 1986: 322, 323].

П. Ф. Стросон, описывая то, как в процессе коммуникации осуществляется *намек*, указывает, что «при произнесении какого-либо высказывания мы очень часто намереваемся не только вызвать первичную реакцию *t* через посредство узнавания со стороны слушающего намерения вызвать эту реакцию, но также намереваемся оказать последующее воздействие через посредство этой первичной реакции *t*. <…> Мы намереваемся вызвать сложную первичную реакцию. Так, в том случае, когда я не просто сообщаю, но предостерегаю вас, что *p*, среди намерений, распознавания которых я от вас хочу <…>, содержится не только намерение убедить вас, что *p*, но и намерение насторожить вас относительно *p*-опасности» (см. [Стросон, 2004: 48, 49]). Однако при этом исследователь не относит *намек* к иллокутивным актам, поскольку *намеку* не свойственна открытость, в то время как, по Стросону, «существенным свойством намерений, составляющих иллокутивный комплекс, является их открытость. Можно сказать, что они предназначены для открытого узнавания» [Стросон, 2004: 49] (в описании Стросона единичный иллокутивный акт представляет собой совокупность коммуникативных намерений говорящего; см. [Стросон, 2004: 42–50]).

Таким образом, произнося высказывание, говорящий может использовать его для выполнения одновременно нескольких коммуникативных задач.

Свойство высказывания, которое в процессе одного локутивного акта используется одновременно в нескольких иллокутивных функциях, мы будем называть иллокутивной полифункциональностью.

Как мы видим из приведенных примеров, использование **иллокутивно полифункциональных высказываний** (далее – ИПВ) связано с интеракциями определенных типов современного дискурса. В связи с этим возникает вопрос: свойственна ли данная характеристика только современным высказываниям или ее можно обнаружить и у древнерусских высказываний? Обратимся к анализу диалогических фрагментов «Повести временных лет» (далее – ПВЛ)[1] – древнерусского летописного памятника, который служит основным источником сведений об особенностях древнерусской устной коммуникации.

---

[1] В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ по Ипатьевской летописи, воспроизведенный в издании [Полное собрание русских летописей, 1908]. В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу этого издания, обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании. В тех случаях, когда чтения Ипатьевского списка представляются ошибочными исследователям ПВЛ, занимавшимся изданием текста летописи, приводятся сноски к соответствующим местам: чтения из Хлебниковского списка, а также списков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись, – Лаврентьевского, Радзивилловского и Академического (по изданию [Полное собрание русских летописей, 1926]). При этом в сносках всегда приводятся чтения Хлебниковского и Лаврентьевского списков, а в случае указания лишь на один из них отсутствие указания на второй свидетельствует о совпадении его чтения с чтением Ипатьевского списка. Указание вариативных чтений кажется нам полезным и необходимым для анализа фрагментов ПВЛ, объяснение которых вызывает затруднения без обращения к текстам разных списков, сохранивших летопись.

В разбивке на слова мы в основном следовали изданию [Полное собрание русских летописей, 1908], произведя при этом разбивку текста на предложения и использовав пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова). В некоторых случаях мы сочли необходимым дать перевод соответствующих фрагментов.

В большинстве случаев приводится один пример, иллюстрирующий каждое из описываемых нами положений; связано это с ограниченностью объема статьи, в действительности же в ПВЛ обнаруживается большее, а в каких-то случаях намного большее количество примеров.

Иллокутивная полифункциональность древнерусских высказываний

Прежде всего, следует заметить, что такое свойство действительно обнаруживается. Рассмотрим несколько вопросно-ответных единств.

(1) **Посла Ѡлегъ к радимичеⷨ, рка: «Кому дань даете?» Ѡни же рѣша: «Козароⷨ»** (6393 / 885). Кн. Олег задает информативный вопрос, и целью его является получение информации; он не имеет в виду ничего иного, и радимичи правильно понимают его и предоставляют ему информацию. Такой вопрос является монофункциональным ПРА.

(2) **И ставшима ѡбѣиима полкома противу собѣ, и рⷰе Редедѧ кь Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидевѣсѧ боротьсѧ. <…>». И рⷰе Мьстиславъ: «Тако буди»** (6530 / 1022). Информативный вопрос Редеди не требует ответа – касожский князь не интересуется мнением кн. Мстислава относительно того, есть ли польза от гибели своей дружины, – но сам выражает оценочное суждение: *«Нет смысла губить свою дружину»*, и это суждение служит аргументом для последующего предложения. То, что кн. Мстислав отвечает на предложение сразиться, а не на вопрос Редеди, показывает, что он правильно оценил этот вопрос как аргументативное оценочное суждение. Такой вопрос является монофункциональным КРА.

Монофункциональность вопросов, определяемых как ПРА или КРА, может привести к ситуации, описанной в (3).

(3) **Єдиною же ему пришедшю к нима и оучашеть ꙗ ѡ млⷭ҇тнѣ ко оубогиⷨ и ѡ цр҃ьствѣ нбⷭ҇нѣмь, еже прꙗти праведникомь, а грѣшьнымъ муку, ї ѡ смрт҃немь чⷭ҇а. И се ему гл҃щю ї ѡ положеньи тѣла оу гробѣ има. Ї рⷰе има Ꙗневаꙗ: «Кто вѣсть, гдѣ мѧ положать?» Рⷰе же еи Федосии: «Поистинѣ идѣжа азъ лѧгу, ту и ты положена будеши». Се же събⷭ҇ысѧ** (6599 / 1091). Жена Яня Вышатича Марья, подытоживая рассказ св. Феодосия, задает вопрос, который явно не требует ответа («*Кто знает, где меня похоронят?*» означает *«Никому не дано знать, где меня похоронят»*), но неожиданно слышит именно ответ собеседника. Неоспоримая невозможность ответить на этот вопрос, заставляющая при обычной коммуникации воспринимать его как КРА, и способность святого ответить как раз и заставляют летописца включить этот диалог в текст, оценивая реплику Феодосия как пророчество («**Се же повѣмь мало нѣчто, еже сѧ ѕбысть прорѣченье Федосьево**»).

(4) **Володимиръ же рⷰе: «То како вы инѣхъ оучите, а сами ѿвѣржени Бг҃а?** <…>» (6494 / 986). В отличие от (2), информативный вопрос кн. Владимира (4), представляя собой КРА (кн. Владимир не ждет от хазарских

евреев ответа на него), является ИПВ: он позволяет говорящему выразить оценочное суждение «*Нельзя, будучи отверженным от Бога, учить вере других*» и отказаться от контакта с этими проповедниками, призвав их к совершению действия «*Не надо нас учить!*» Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным КРА.

(5) **И повелѣ Ꙗнь вложити има рублѧ въ оуста и привѧзати ко оупругамъ, и пустити ꙗ предъ собою в лодьꙗх, а самъ по нихъ иде. И сташа на оустьи Шекъсны, и рче има Ꙗнь: «Што вамъ молвѧть бзи ваши?» Ѡна же рекоста сице: «Намъ бзи молвѧть: не быти нама живымъ ѿ тебе». И рече има Ꙗнь: «То вамъ право молвѧть бзѣ ваши»** (6494 / 986). Янь Вышатич задает волхвам информативный вопрос и ждет на него ответ, и волхвы отвечают ему. Однако пропозитивное содержание его вопроса не является истинным: ранее он высказал суждение, что так называемые боги волхвов «*не боги, а бесы*», и своими действиями – **повелѣ вложити има рублѧ въ оуста и привѧзати ко оупругамъ** и т. д. – это суждение подтверждает. Таким образом, повторяя чужое слово, которое для него самого является ложным, Янь Вышатич насмехается над собеседниками-«оппонентами», и эта иллокутивная функция накладывается на ИФ «требование информации». Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА.

(6) **Ѿвѣщавъша же боꙗрѣ и рѣша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкыи, то не бы баба твоꙗ Ѡлга приꙗла крщениꙗ, ꙗже бѣ мудрѣиши вси члвкъ». Ѿвѣщав же, Володимѣръ рче: «То где крщние приемемь?» Ѡни же рѣша: «Кдѣ ти любо»** (6495 / 987). Кн. Владимир задает информативный вопрос, ждет ответа и получает его. При этом его реплика является реактивной и выражает согласие с советом бояр креститься, а также позволяет донести до собеседников информацию о том, что князь принял решение об общем крещении, на что указывает употребление формы мн. числа. Так же, как и (5), такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА, однако в этом случае говорящий выполняет более чем одну «дополнительную» коммуникативную задачу.

Таким образом, обладать иллокутивной полифункциональностью могут как ПРА, так и КРА: помимо основной илокутивной функции такие высказывания обладают одной[2] или более чем одной[3] **дополнительной иллокутивной функцией** (далее – ДИФ). Естественно, что во всех подобных случаях собеседник, стремящийся к правильному истолкованию

[2] См. примеры (4), (5).

[3] См. пример (6).

коммуникативного намерения говорящего, должен понять высказывание как используемое в двух или более функциях одновременно.

Важным аспектом определения ИФ древнерусских высказываний является их верифицируемость. ПВЛ предоставляет исследователю возможность подтвердить свои предположения двумя способами. С одной стороны, ИФ высказывания может быть определена на основе оценки реакции собеседника, произносящего ответную реплику или совершающего ответное действие[4]. С другой стороны, в ПВЛ обнаруживается еще одно средство установления ИФ: летописный диалог предваряет и завершает **рамочная конструкция** (далее – РК), в которой указываются участники коммуникативного события, их коммуникативные целеустановки и перлокутивный эффект, особенности протекания речевого акта, материальные условия коммуникации, авторская оценка диалога и т. д.

Прежде чем перейти к классификации ИПВ, обнаруживаемых в ПВЛ, необходимо сделать еще одно замечание.

Хорошо известное в семиотике положение о том, что соотносимые единицы семантики, прагматики и синтактики не всегда тождественны по степени сложности своего «устройства» (две пропозиции могут быть выражены монопредикативной или полипредикативной конструкцией и т. п.), оказывается актуальным и для исследуемого нами материала. Высказывание говорящего далеко не всегда тождественно одной предикативной единице (далее – ПЕ). При этом можно определить несколько типичных соотношений между ними.

1. Речевой ход говорящего (реплика-высказывание, коммуникативный ход) может состоять из одного или нескольких речевых шагов, «которые соотносятся с минимальной единицей коммуникации – отдельным речевым действием или речевым актом. Речевые шаги связаны линейно-различными типами смысловых и логических отношений – иллокутивные отношения самовынуждения – обоснование, пояснение, уточнение, комментарий и т. п.» [Борисова 2005: 17].

2. Речевой шаг может быть оформлен конструкцией, включающей в себя одну или несколько ПЕ.

3. Каждый речевой шаг обладает как минимум одной ИФ.

4. Каждый речевой ход, занимая определенное место в диалоге, обладает как минимум одной ИФ, которая представляет собой главную коммуникативную цель, которую преследует говорящий, произнося данную реплику-высказывание.

---

[4] Важность этого критерия хорошо показывает пример (3).

5. ИФ речевого хода, состоящего из нескольких речевых шагов, может совпадать с ИФ одного из речевых шагов или не совпадать с ИФ ни одного из них.

Таким образом, можно выделить несколько типов коммуникативных конструкций, равных по объему одному речевому ходу.

1. **Элементарный речевой ход** (ЭРХ).

Речевой ход состоит из одного речевого шага, речевой шаг включает в себя одну ПЕ.

(7) **И придоша, и поклонишасѧ ему, и положиша предъ ни^м^ ꙁла^т^ и паволокы. И р^ч^е Ст҃ославъ, прочь ꙁрѧ: «Похороните!» Ѡтроци же Ст҃ославли, вꙁемше, похорон^и^ша** (6479 / 971).

2. **Комплексный речевой ход 1** (КРХ1).

Речевой ход состоит из одного речевого шага, речевой шаг включает в себя несколько ПЕ, при этом они описывают пропозиции, тесная связь между которыми обусловливает выражение определенных типовых ИФ. Эти ПЕ не образуют отдельных речевых шагов, поскольку в рамках данного речевого хода они не обладают «самостоятельными» ИФ. При этом изменение состава ПЕ неизбежно привело бы к потере ИФ речевого хода в целом. КРХ1 представляют собой коммуникативные единицы, которые строятся по определенной модели и регулярно используются для достижения определенной коммуникативной цели.

(8) **В се же времѧ придоша лю^д^е новъгородьстии, просѧще кн^ꙁ^ѧ себѣ:** «(а) **Аще не поидете к на^м^**, (б) **то налѣꙁемъ кнѧꙁѧ себѣ**». **И р^ч^е к нимъ Ст҃ославъ: «А бы кто к ва^м^ шелъ»** (6478 / 970). (8б) называет действие, которое говорящий собирается совершить в случае осуществления (8а). Ни одна из частей (8) не является в коммуникативном плане самостоятельной[5]: данная реплика является иллокутивно полифункциональным ПРА с функциями «сообщение о намерении при осуществлении условия + предостережение-угроза + призыв к действию».

3. **Комплексный речевой ход 2** (КРХ2).

Речевой ход состоит из нескольких речевых шагов, каждый из речевых шагов имеет свою ИФ, ИФ всего комплекса совпадает с ИФ одного из речевых шагов.

(9) **И послаша к нему, гл҃ще: «(а) По что идеши ѡпѧть? (б) Поималъ еси вьсю дань». И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростѣнѧ**

[5] Даже если «избавиться» от средств, указывающих на связь между этими ПЕ, и использовать их в качестве автономных высказываний, они будут иметь иные ИФ: (8а) «**Не поидете к на^м^**» – «негативный прогноз», (8б) «**Налѣꙁемъ кнѧꙁѧ себѣ**» – «предложение (решение) о совместном действии».

противу древлѧне, и оубиша Игорѧ и дружину его, бѣ бо ихъ мало (6453 / 945). Речевой шаг (9а) является иллокутивно полифункциональным КРА с функциями «оценочное суждение-осуждение + призыв к действию». Речевой шаг (9б) представляет собой монофункциональный ПРА с функцией «сообщение об актуальном положении дел, возникшем в результате события, имевшего место до момента речи». ИФ данного КРХ2 тождественно ИФ речевого шага (9а).

4. **Комплексный речевой ход 3** (КРХ3).

Речевой ход состоит из нескольких речевых шагов, каждый из речевых шагов имеет свою ИФ. ИФ всего комплекса **не** совпадает с ИФ речевых шагов (обнаруживается ДИФ, свойственная всему комплексу), а выводится на основании определения релевантности произносимого в целом. При этом КРХ3 поддаются трансформации: замена или перестановка речевых шагов не приводит к потере ДИФ. Состав таких комплексов определяется речевой стратегией говорящего.

(10) **Послаша же переѧславци къ печенѣгомъ, гл҃ѧ:** «(а) **Идеть Ст҃ославъ в Русь**, (б) **възе҃м имѣнье много оу грѣкъ и полонъ бещисленъ**, (в) **а с маломъ дружины**». **Слышавше же печенѣзи се, заступиша порогы** (6479 / 971). Каждый из речевых шагов является монофункциональным ПРА с функцией «сообщение о действии (состоянии) в настоящей момент» и может в автономном употреблении выразить ту же ИФ. ИФ речевого хода представляет собой «призыв к действию (подстрекательство)»: соотнесение пропозитивного содержания речевых шагов должно привести собеседника к мысли, что он может, не опасаясь последствий, напасть на кн. Святослава, что и происходит (см. постпозитивную часть РК).

Необходимо заметить, что очень часто КРХ2 и КРХ3 включают в свой состав конструкции, которые можно определить как комплексы, при этом их нельзя назвать комплексными речевыми ходами, поскольку они сами входят в состав комплексов и не обладают коммуникативной автономностью (не тождественны речевому ходу). Подобные конструкции мы будем именовать **комплексными речевыми шагами** (КРШ). Рассмотрим один из таких случаев.

(11) **И стоꙗ Ѡльга лѣто цѣло, и не можаше взѧти города, и оумысли сице: посла къ городу, ркущи:** «(а) **Чего хощете досѣдѣти**? (б) (б1) **А вси ваши городи передашасѧ мнѣ**, (б2) **и ꙗлисѧ по дань**, (б3) **и дѣлаютъ нивы своꙗ и землю св҃ю**. (в) **А вы хощете голодомъ измерети, не имучисѧ по дань**». **Деревлѧне же рькоша:** « **Ради быхомъ сѧ ꙗли по дань, но хощеши мьщати мужа своего**» (6454 / 946). Речевой шаг (11а) является монофункциональным КРА с функцией «негативный прогноз» («**Чего хощете**

досѣдѣти?» означает *«Ничего хорошего вы не дождетесь»*). Речевой шаг (11б) представляет собой КРШ, состоящий из 3 монофункциональных ПРА с функцией «сообщение об актуальном положении дел, возникшем в результате события, имевшего место до момента речи», причем (11б1) и (11б2) фокусируют внимание собеседника на событии в прошлом, а (11б3) – на состоянии дел в настоящем. В результате соотнесения пропозитивного содержания (11б1), (11б2) и (11б3) собеседником выводится ИФ КРШ (11б): «благоприятный прогноз при осуществлении условия» (*«Мы тоже будем мирно возделывать нивы, если поступим так»*). Речевой шаг (11в) следует определить как иллокутивно полифункциональный ПРА, состоящий из двух ПЕ, с функциями «неблагоприятный прогноз при осуществлении условия + призыв к действию» (*«Вы умрете от голода, если не согласитесь платить дань» => «Соглашайтесь платить дань»*). Этот призыв к действию – *«Соглашайтесь платить дань»* – как раз и является ИФ речевого хода в целом. Таким образом, по своей структуре КРШ (11б) сопоставим с КРХ3, КРШ (11в) – с КРХ1, а речевой ход в целом должен быть определен как КРХ2.

Типология древнерусских иллокутивно полифункциональных высказываний

В рамках данной статьи мы обратимся к определению **иллокутивно полифункциональных высказываний** на уровне:

1) элементарных речевых ходов,

2) комплексных речевых ходов 1 типа,

3) комплексных речевых шагов, соотносимых с комплексными речевыми ходами 1 типа, в составе комплексных речевых ходов 2 и 3 типов.

Иначе говоря, мы попытаемся выделить типы ИПВ, которые являются **минимальными коммуникативными единицами**, обладающими иллокутивной полифункциональностью. Выделяя несколько групп ИПВ, вначале мы называем общую для ряда ИПВ иллокутивную функцию (основную функцию высказывания как ПРА или КРА), а затем – дополнительные иллокутивные функции, появление которых чаще всего связано с коммуникативными условиями произнесения высказывания. Для каждого из случаев указывается, является ли реплика инициальной или реактивной. При этом, учитывая допустимый объем статьи, мы ограничиваемся рассмотрением высказываний, в которых основными иллокутивными функциями являются сообщение о бывшем, настоящем или будущем.

I. Сообщение о бывшем

Говорящий информирует собеседника, рассказывая о неизвестном ему происшедшем событии.

1. **Оценочное суждение-хвала** (в инициальной реплике).

(12) **Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Ба҃, рекъ: «То первое оувидѣхъ Ба҃ истиньнаго». Си же оувидивше дружа его, мноѕи кр҃стишасѧ** (6496 / 988).

ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания. О ДИФ ИПВ сообщается в препозитивной части РК (**Володимеръ прослави Ба҃**); показательна при этом реакция дружинников князя, видевших происшедшее и слышавших князя. Необычным является употребление формы имперфекта **оувидѣхъ**: кн. Владимир оценивает событие, которое произошло только что, однако не использует форму перфекта, наиболее часто встречаемую в речи персонажей, рассказывающих о бывшем (см. примеры (13), (14), (15), (17), (18), (19).

2. **Сообщение о намерении** (в инициальной реплике).

(13) **И се слышавъ, Ст҃ополкъ**[6] **и Василко поидоста противу, вѕемше хрестъ, его҃ цѣловалъ к нима на се҃м, ꙗко: «На Дв҃да пришелъ есмь, а с вама хощю имѣти миръ и любовь». И преступи Ст҃ополкъ, надѣꙗсѧ на множество вои** (6605 / 1097).

Интересной особенностью данного ИПВ является то, что оно приводится как воспоминание кн. Володаря и кн. Василька о словах кн. Святополка; ДИФ ИПВ верифицируется в данном случае тем, что отступление кн. Святополка от сказанных слов расценивается как нарушение клятвы.

3. **Предостережение** (в инициальной реплике).

(14) **И влѣѕѣ сотона оу сердьце нѣкоторымъ мужемъ, и начаша гл҃ти къ Дв҃дви Игоревичю, рекуще сице, ꙗко: «Володимеръ сложилъсѧ есть с Василкомъ на Ст҃ополка и на тѧ». Давыдъ же, имъ вѣры лживымъ словесемь, нача молвити на Василка** (6605 / 1097).

ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания. Ответная реакция кн. Давыда свидетельствует о том, что он верно установил ДИФ ИПВ, но при этом не догадался, что его обманывают, о чем сообщает летописец в постпозитивной части РК.

4. **Предсказание** (в инициальной реплике).

---

[6] Хлебн. и Лавр.: **Володаръ**.

(15) **Приведе Ѥанка митрополита Иѡ**[7] **скопьчину, егоже видивше людѣ вси рекоша: «Се мрьтвець пришелъ». Ѿ года бо до года пребывъ, оумре** (6598 / 1090).

Сообщается о появлении субъекта, при этом выбирается такая номинация, которая указывает на обращенность оценки в будущее.

5. **Призыв к действию** (в реактивной реплике).

(16) **Игорь же призва посль" грѣцкыꙗ, рече: «Молвите, что вы казалъ царь?» И ркоша сли царви: «Се посла ны царь, радъ есть миру и хочеть миръ имѣти съ кнѧзем ругкымъ и любовь. И твои сли водили суть царѧ нашег ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ». И ѡбѣщасѧ Игорь сице створит** (6420 / 912).

Греческие послы, рассказывая о том, что их послали «водить роте» собеседника, призывают того совершить данное действие и в результате получают его согласие (**и ѡбѣщасѧ Игорь**). ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания и оценки уместности его произнесения. Характерно, что данная реактивная реплика, будучи ответом на вопрос, в то же время содержит предложение «перехватившего инициативу» коммуниканта: именно ее иллокутивная полифункциональность позволяет достичь обеих этих целей.

6. **Опровержение предположения** (в реактивной реплике).

(17) **И бы свѣт, и разумѣ старѣць и рече кѣлѣнинику: «Иди, вьспроси, есть ли Михаль в кельи?» И рѣша ему, ꙗко: «Выскочилъ есть чресъ столпъе по завѣтрѣнии»** (6582 / 1074).

Пропозициональное содержание высказывание келейника не соответствует предположению старца, служит опровержением его слов.

7. **Оценочное суждение** (в реактивной реплике).

(18) **Володимеру же не хотѧщю сего створити, глщю ему: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ?» Ѿвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «Кнѧже, нѣс ти в томъ грѣха. Привелъ ти ѣ Бъ в руцѣ твои. <…>»** (6603 / 1095).

ДИФ ИПВ сводится к оценочному суждению *«Это воля Божья, ты не можешь ей противиться»*, которое является одним из аргументов в КРХ2.

8. **Оценочное суждение-осуждение** (в реактивной реплике).

(19) **Вълодимеръ же слышавъ, ꙗко ꙗтъ есть Василко и ѡслѣпленъ, оужасасѧ и въсплакасѧ вельми ї рече: «Сего не было есть оу Русьскои земли ни при дѣдехъ наших, ни при ѡцїхъ нашихъ сѧкого зла». И ту абьѥ посла ко Давыду и к Ольгови Свѧтъславичема** (6605 / 1097).

[7] Лавр.: **Іѡана**.

Кн. Владимир, сопоставляя сообщение о пленении и ослеплении кн. Василько с другими событиями русской истории, приходит к выводу, что **сѧкого зла** не бывало на Руси: выбор именно этих лексем, а также описание реакции князя в препозитивной части РК (**Вълодимеръ оужасасѧ и въсплакасѧ вельми**) позволяют дать оценку происшедшему.

II. Сообщение о неосуществившемся событии при неосуществлении условия

Говорящий обращает внимание собеседника на событие, которое не произошло, но могло иметь место в прошлом, если бы реализовалось определенное условие.

1. **Оценочное суждение + совет** (в реактивной реплике).

(20) **Ѡни же придоша в землю свою. И созва кнѧзь боꙗры своꙗ и старца, рче Володимеръ: «Се придоша послании нами моужи, да слышимъ ѿ нихъ бывшее». И р҃ч҃е имъ: «Скажите предъ дружиною». Ѡни же рѣша, ꙗко: «<…>И придохом же въ грѣкы, и ведоша ны идеже служать Бу҃ своему, и не свѣмы, на н҃бси ли есмь былѣ, или на землѣ: нѣ бо на земли тако҃г вида или красоты такоꙗ, недооумѣемь бо сказати. <…>». Ѿвѣщавъша же боꙗрѣ и рѣша: « Аще лихъ бы законъ грѣчкыи, то не бы баба твоꙗ Ѡлга приꙗла кр҃ещениꙗ, ꙗже бѣ мудрѣиши вси҃х чл҃вкъ». Ѿвѣщав же, Володимѣръ р҃ч҃е: «То где кр҃щние приимемь?» Ѡни же рѣша: «Кдѣ ти любо»** (6495 / 987).

ИПВ является КРА: «**Аще лихъ бы законъ грѣчкыи, то не бы баба твоꙗ Ѡлга приꙗла кр҃щениꙗ**» означает «*Твоя бабка Ольга приняла крещение, потому что у греков правильная вера*». Высказывая это оценочное суждение, бояре совершают речевое действие, ради которого их и позвал князь: они призывают его принять крещение, и князь принимает их совет. ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания и оценки уместности его произнесения.

2. **Оценочное суждение + согласие** (в реактивной реплике).

(21) **По сем же Володимиръ посла послы своꙗ по всему граду, гл҃ѧ: «Аще не ѡбрѧщетьсѧ кто заоутра на рѣцѣ, б҃атъ ли, оубогъ, или нищь, или работенъ, противникъ мнѣ да будеть». И се слышавше, людье с радостью идѧху, радующесѧ, и гл҃ху: «Аще бы се не добро было, не бы сего кнѧзь и боꙗри приꙗли»** (6496 / 988).

Так же, как и в (20), ИПВ является КРА: «**Аще бы се не добро было, не бы сего кнѧзь и боꙗри приꙗли**» означает «*Князь и бояре приняли крещение, потому что это хорошо*». Говоря это, люди выражают согласие креститься,

но не из страха перед княжеским наказанием, а руководствуясь рассуждением о том, что предстоит совершить правильный поступок.

III. Сообщение о настоящем

Говорящий информирует собеседника о действии, производимом в момент речи, или о существующем в момент речи положении дел.

1. **Перформативы**.

Ряд высказываний, содержащих сообщение о настоящем, являются перформативными (в широком понимании этой категории).

А. **Объявление войны** (в инициальной реплике).

(22) **Приде Володимиръ с варягы къ Новугороду и рече посаднико̾м Ꙗрополъчимъ: «Идете къ брату моему и речете ему: “Володимиръ идеть на тѧ, пристраиваисѧ противу битсѧ”». И сѣде в Новѣгородѣ** (6488 / 980).

Сообщение о приближении кн. Владимира должно быть понято адресатом как объявление войны. Следующее высказывание, призывающее его принять вызов, развивает именно эту ДИФ ИПВ. (22) является прекрасным примером того, как говорящий ориентируется на восприятие собеседника: кн. Владимир называет себя не при помощи местоимения 1 лица, а по имени и использует при этом форму настоящего времени, принимая во внимание, что произносить эти слова будут его послы.

Б. **Приглашение** (в инициальной реплике).

(23) **И заоутра Ѡльга, сѣдѧщи в теремѣ, посла по гости, и приидоша к нимъ, глюще: «Зоветь вы Ѡльга на честь велику»** (6453 / 945).

Посланцы кн. Ольги передают древлянам ее слова. Так же, как и в (22), они используют форму настоящего времени, ориентируясь на время восприятия высказывания, а не на время его произнесения кн. Ольгой, употребляя перформативный глагол в форме 3 лица: его лексическое значение позволяет древлянам понять, что это приглашение.

2. **Высказывания с глаголом хотѣти**.

Высказывания с глаголом **хотѣти** в форме настоящего времени в сочетании с инфинитивом, называют намерение говорящего совершить действие, называемое инфинитивом, после момента речи. Большинство этих высказываний представляют собой неоднократно повторяющиеся клише (см. (24) – (27), которые используются в коммуникативных событиях определенного типа. Выделение их в качестве ИПВ связано с тем, что они должны пониматься и как ПРА, сообщающие о том, что говорящий чего-то хочет, и как перформативные высказывания: сообщение о желании взять замуж есть сватовство, сообщение о желании начать военные действия есть объявление войны и т. п.

А. **Сватовство** (в инициальной реплике).

(24) (а) **И по крщении приꙁва ю црь и рче еи: «Хощю тѧ понѧти женѣ». Ѡна же рче: «Како мѧ хощеши понѧти, а крѣстивъ мѧ самъ и нарекъ мѧ дщерь? А въ крстьꙗнѣхъ того нѣс ꙁакона, а ты самъ вѣси»** (6463 / 955), (б) **И посла к Роговолоду** кнꙁю **Полотьскꙋ, глѧ: «Хощю поꙗти дщерь твою женѣ»** (6488 / 980).

Сватаясь, говорящий обращается непосредственно к потенциальной супруге (24а) или к ее родственникам (24б).

Б. **Объявление войны** (в инициальной реплике).

(25) **Кнѧꙁю Стославу възрастьшю и възмужавшю, нача воꙗ съвокуплѧти многы и храбры. <…> И посылашє къ страна^м^ глѧ: «Хочю на вы ити»** (6472 / 964).

При объявлении войны каждый раз коммуникация осуществляется через послов.

В. **Мирное предложение** (в инициальной реплике).

(26) **И посла ^по^слы къ црви в Дерестѣръ, бѣ бо ту црь, рекѧ сице: «Хочю имѣтї миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, цесарь радъ бысє и посла дарьи къ нему болша пѣрвыхъ** (6479 / 971).

Так же, как и при объявлении войны, мирное предложение каждый раз передается через послов.

Г. **Мирное предложение** (во «включенной» инициальной реплике).

(27) (а) **Игорь же приꙁва посльи грѣцкыꙗ, рче: «Молвите, что вы каꙁалъ црь?» И ркоша сли црви: «Се посла ны црь, радъ есть миру и хочеть миръ имѣти съ кнѧꙁе^м^ ру^с^кымъ и любовь. И твои сли водили суть црѧ нашег ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ». И ѡбѣщасѧ Игорь сице створит** (6453 / 945), (б) **Црь же наоутрѣꙗ приꙁва ꙗ, и рче црь: «Да глють ^по^сли ру^с^сции». Ѡни же ркоша: “Тако глть кнѧꙁь нашь: «Хочю имѣти любовь съ царе^м^ грѣцькымъ свѣршену прочаꙗ всѧ лѣта”». Црь же, ра^д^ бывъ, повелѣ письцю писати на харотью вьсѧ рѣчи Стославли** (6479 / 971).

Формально высказывания (27а) и (27б) являются реактивными репликами, однако в действительности послы в каждом из случаев передают предложение, которое в канонической ситуации общения занимало бы позицию инициальной реплики (см. пример (26), в котором воспроизводится речь не послов, а самого инициатора коммуникации, который говорит, что именно следует передать адресату). Обращает на себя внимание то, что речи инициатора коммуникации передаются по-разному: в (27а) звучит репродуктив («**хочеть миръ имѣти**»), в (27б) – прямая речь («**хочю имѣти любовь**»).

Д. **Просьба о разрешении** (в инициальной реплике).

(28) **Єдиною же пьющу Ростиславу с дружиною своєю, р҃ч҃е котопанъ: «Кнѧже! Хощю на тѧ пити!» Ѡному же рекшу: «Пии!»** (6574 / 1066).

Сообщая о своем желании выпить за князя, коварный котопан ожидает от него разрешения сделать это и получает это разрешение.

Е. **Отказ в наделении властью** (в инициальной реплике).

(29) **Послании же придоша къ Двдви и рекоша ему: «Се ти молвѧть брат҃ꙗ: "Не хощем ти вдати стола Володимерьскаго, зане оувергъ еси ножь в ны, егоже не было в Русьскои земли. <…>"»** (6607 / 1099).

Обращает на себя внимание, что в данной ситуации слова инициаторов коммуникации передаются при помощи прямой речи.

3. **Институциональное высказывание** (в инициальной реплике).

(30) **Асколдъ же и Диръ придста. И выскакаша вси из лодѣи, и р҃ѣ Ѡлгъ къ Асколодови и Дирови:** «(а) **В неста кнѧзѧ, ни роду кжѧ, но** (б) **азъ есмь роду кжа». И вынесоша Игорѧ: «(в) Сь сн҃ъ Рюриковъ». И оубиша Асколда и Дирꙗ** (6390 / 882).

Кн. Олег произносит три высказывания, констатирующие некоторое бесспорное (с точки зрения говорящего) положение дел, существующее безотносительно к моменту речи (*настоящее гномическое*). Оказывается, что положение дел, обнаруживаемое в момент речи (то, что Аскольд и Дир княжат), не соответствует тому, что должно быть. Таким образом, произносимые высказывания являются институциональными: в данной конкретной ситуации борьбы за власть они служат отправной точкой для совершения действий, позволяющих привести ситуацию к норме.

(31) **И к вечеру ѡдолѣ Ст҃ославъ и взѧ горо копьем, рькѧ: «Се городъ мои»** (6479 / 971).

Данный пример отличается от (30) тем, что кн. Святослав апеллирует не к уже существующей норме, а создает новую: называя очевидную вещь («*Теперь этот город принадлежит мне*»), он призывает всех учитывать это в будущем и вести себя сообразно возникшему положению дел.

4. **Предостережение** (в инициальной реплике).

(32) **Послании же придоша нощью, и подъступиша ближе, и слышаша бл҃женаго Бориса поюща заоутренюю. Повѣдаша бо ему, ꙗко: «Хотѧть тѧ погубити». И, вьставъ, нача пѣтѣ, гл҃ѧ: «Г҃и! Что сѧ оумножишасѧ стужающии ми? Вьстають на мѧ многи»** (6523 / 1015).

Говорящий, сообщая адресату о том, что против него злоумышляют, призывает его позаботиться о своей безопасности.

5. **Неблагоприятный прогноз** (в инициальной реплике).

(33) **И створиша вѣче вь граѧ и рѣша: «Се хочемь помрети ѿ глада, а ѿ кнѧзѧ помочи нѣтъ. Да луче ли ны оумрети? Вдадимсѧ печенѣгомъ,**

да кого ли ѡживѧ҇т, кого ли оумрт҇вѧть. Оуже помираемь ѿ глада». **И тако свѣтъ створиша** (6505 / 997).

Констатируя сложившееся положение дел, говорящий подчеркивает, что бездействие приведет к еще более плачевному положению дел («*Если уже сейчас помираем от голода, то что будет позже?*»). Это ИПВ служит одним из аргументов, обосновывающих необходимость сдаться противнику.

6. **Согласие с предположением собеседника** (в реактивной реплике).

(34) **Глѣбъ же возма топоръ подъ скутъ и приде к волъхву и р҇ч҇е ему: «То веси ли, что оутрѣ хощеть быти, что ли до вечера?» Ѡнъ же р҇ч҇е: «Все вѣдаю»** (6579 / 1071).

Говоря о своем всеведении, волхв соглашается с предположением собеседника, отвечая на его верификативный вопрос.

7. **Согласие с предложением собеседника** (в реактивной реплике).

(35) **И поча думати и начаша гл҇ти дружина Ст҇ополча: «Не веремѧ веснѣ воевати: хочемь погубити смерды и ролью имъ». И р҇ч҇е Володимеръ: «Дивно мѧ, дружино, ѡже лошади кто жалуеть, еюже ѡреть кто. <…> То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь?» И не могоша противу ему ѿвѣщати дружина Ст҇ополча, и рече Ст҇ополкъ: «Брате, се азъ готовъ оуже»** (6611 / 1103).

Различия между ДИФ (34) и ДИФ (35) состоят в том, что в (34) говорящий соглашается с информацией собеседника, а в (35) не только соглашается с его аргументами, но и выражает согласие совершить совместное действие.

8. **Опровержение точки зрения собеседника** (в реактивной реплике).

(36) **Ꙗнъ же р҇ч҇е: «Поистинѣ лжете: створилъ бо есть Бъ҇ чл҇вка ѿ землѧ, и съставленъ костьми и жилами ѿ крови, и нѣ҇с в немь ничтоже и не вѣсть ничтоже, токмо Бъ҇ единъ вѣсть». Ѡна же рекоста: «Вѣ два вѣдаевѣ, како есть створенъ чл҇вкъ»** (6579 / 1071).

Утверждение волхвов позволяет им выразить несогласие со словами Яня Вышатича о том, что только Бог знает всё о человеке.

9. **Отказ** (в реактивной реплике).

(37) **Наоутриꙗ же бывшю, присла Ст҇ополкъ, река: «Не ходи ѿ именинъ моихъ». Василко же ѡтопрѣсѧ, река: «Не могу ждати. Єда будеть рать дома»** (6496 / 988).

Кн. Василько сообщает о необходимости возвращения домой: оценка уместности произносимого должна привести к мысли, что он отказывается выполнить просьбу кн. Святополка, о чем и говорится в препозитивной части РК (**Василко же ѡтопрѣсѧ**).

10. **Отказ + призыв к действию** (в реактивной реплике).

(38) (а) **И сѣдящу ему паки на своемь столѣ, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, <…> не р҃е: «Сего кромѣ мене», но на ся перея печаль братню, показа любовь велику, свершая апла, гл҃ща: «Оутѣшаите печалныя»** (6586 / 1078), (б) **И оувѣдѣша игумени и начаша молитися ѡ Васильцѣ къ Ст҃ополку. И рече имъ Ст҃ополкъ: «Ѡто Дв҃дъ»** (6605 / 1097).

Сообщая о своем отношении к обсуждаемому (38а) «*Это не мое дело*» и (38б) «*Я тут не при чем, это дело Давыда*», говорящие не только отказывают собеседникам в их просьбах (в первом случае моделируется ситуация отказа, которого на самом деле не было), но и призывают к совершению «правильного» действия – (38а) «*Не тревожь меня*» и (38б) «*Обратитесь к Давыду*». Оба примера примечательны тем, что в качестве высказываний используются свободные синтаксические формы; такое употребление свойственно и современной разговорной речи.

IV. Сообщение о будущем

Говорящий информирует собеседника о событии (положении дел) в будущем (т. е. когда-то после момента речи), возможность осуществления которого до такой степени высока, что оно мыслится как реальное. В большинстве случаев речь идет о намерении говорящего совершить какое-либо действие.

1. **Обещание** (в инициальной реплике).

В ПВЛ встречается множество высказываний, в которых говорящие берут на себя обязательство совершить какое-либо действие в будущем. Различия между этими случаями касаются того, что именно обещается.

А. **Обещание совершить однократное действие**.

(39) **Мьстиславъ <…> посла къ Лгови, гл҃я: «Не бѣгаи никаможе, но послися ко братьи своеи с молбою не лишать тебе Русьскои земли. А аз послю къ ѡц҃ю молится ѡ тобѣ». Ѡлегъ же ѡбѣщася тако створити** (6604 / 1096).

Говорящий обещает совершить один поступок, крайне значимый для собеседника.

Б. **Обещание придерживаться определенной линии поведения**.

(40) (а) **Ѡлегъ же побѣже к Муромy, а Мьстиславъ поиде к Суждалю и, сѣдя ту, посылаше к Ольгови, мира прося, гл҃я, яко: «Мни азъ есмь тебе. Шлися ко ѡц҃ю моему, а дружину вороти, юже яси заяалъ. А аз тебе ѥѡ всемь послушаю». Ѡлегъ же посла к нему, хотя мира лестью** (6604 / 1096), (б) **По сем же, м҃ца июня вь ї. дн҃ь, Изяславъ, Ст҃ославъ и Всеволодъ целовавше кр҃стъ ч҃тныи кь Всеславу, рекше: «Приди к нама, а не створим ти зла». Ѡн же, надѣяся цѣловании кр҃ста, переѣха в лодьи**

чресъ Днѣпръ (6575 / 1067), (в) **Володимиръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ꙗрополчю, с лѣстью гл҃ѧ: « Поприꙗи ми! Аще оубью брата своє҃г, имѣти тѧ начну въ ѡ҃ца мѣсто своє҃г и многу ч҃ть возмеши ѿ мене. <…>». И р҃ч҃е Блудъ къ посланымъ Володимиро҃м: «Азъ буду ти въ приꙗзнь»** (6488 / 980).

В (40) описываются ситуации, в которых говорящие берут на себя обязательство придерживаться определенной линии поведения на протяжении неограниченного периода времени. При этом в (40б) говорящие клянутся **не** совершать определенные действия, что также является определенной линией поведения.

В рассматриваемых ИПВ «сообщение о будущем + обещание» регулярно употребляются формы 1 лица простого будущего времени. В (40в) представлен редкий случай отступления от этой нормы: кн. Владимир использует форму 2 лица, выводя на первый план субъект-адресат высказывания, но при этом все равно имеется в виду обязательство говорящего («**Многу ч҃ть возмеши ѿ мене**» означает «*Я буду оказывать тебе всяческую честь*»).

Следует обратить внимание на то, что очень часто ИПВ «сообщение о будущем + обещание» входят в состав конструкций, в которых описывается условие, при котором обещание будет выполнено. Тем не менее, далеко не все такие бинарные конструкции можно признать КРХ1: если «изъять» из некоторых таких конструкций часть, называющую условие, оставшаяся часть все равно будет представлять собой обещание, только уже имеющее безусловный характер:

(41) (а) **Володимеру же се слыша, възрѣвъ на н҃бо, и р҃ч҃е: «Аще сѧ сбудеть се, имамъ кр҃титисѧ»** (6496 / 988), (б) **И приидохъ к нему, и сѣдѧху дружина ѡколо его, и посади мѧ и рече ми: «<…> Молви ему тако: “Ѡже хощеши послати мужа своего, и воротитсѧ Володимеръ, то вдам ти которыи любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль”»** (6605 / 1097), (в) **И рече Володарь: «Бъ҃ свидитель тому, а нн҃ѣ пусти брата мее҃г, и створю с тобою миръ»** (6605 / 1097).

2. **Призыв к действию** (в инициальной реплике).

(42) **И начаша людье говорити на воеводу на Коснѧчь, и <…> оу двора сташа Брѧчьславлѧ и рѣша: «Поидемь, высадимь дружину ис погреба». И раздѣлишасѧ надвое: и половина ихъ иде кь погребу, а половина иде по Мосту** (6576 / 1068).

В (42) говорящие употребляют конструкцию с двумя формами простого будущего времени, первая из них называет перемещение субъекта, вторая – цель этого перемещения. Употребление этого ИПВ призвано каузировать собеседника (в данном случае наблюдается автоадресация) к выполнению

действия, называемого вторым глаголом. Подобные неинфинитивные целевые конструкции свойственны и современной разговорной речи.

3. **Риторическое предостережение** (в инициальной реплике).

(43) **Ї рѣ҃е Дв҃дъ къ Ст҃ополку: «Видиши ли: не помнить тебе, ходѧ в руку твоєю? Аще ли ѿидеть въ свою волость, самъ оузриши, аще ти не заиметь городовъ твоихъ – Турова ї Пиньска, и прочихъ городовъ твоихъ. Да помѧнеши мѧ. Но, призвавъ и нынѧ, ими ї даи его мнѣ!» И послуша его Ст҃ополкъ и посла по Василка** (6605 / 1097).

В рамках речевого хода (43) говорящий использует несколько речевых шагов с разными ИФ, сочетание которых обнаруживает его речевую стратегию убеждения собеседника. В частности, рассматриваемое ИПВ «**Да помѧнеши мѧ**» моделирует предполагаемое ментальное состояние собеседника, который якобы впоследствии будет сожалеть о том, что не послушал слов говорящего. Как мы видим, речевая стратегия кн. Давыда привела к тому, что **послуша его Ст҃ополкъ**, т. е. говорящему удалось «навязать» свою точку зрения собеседнику.

4. **Скорбь** (в инициальной реплике).

(44) **И се слышавъ, Глѣбъ вьспи велми сь слезами и плачасѧ по ѡт҃ци, паче же и по братѣ, и нача молитисѧ со слезами, гл҃ѧ: «<…> Кде суть словеса твоꙗ, ꙗже гл҃аше ко мнѣ, брате мои любимыи? Нынѣ оуже не оуслышю тихаго твоего наказаниꙗ. <…>»** (6523 / 1015).

ДИФ «скорбь» выявляется при соотнесении пропозитивного содержания высказывания (констатируется очевидное), лексического состава (употребление оценочной лексики) и релевантности произнесения ИПВ (говорящий осознает невозможность совершения действия в будущем, и это является для него крайне важным).

5. **Оскорбление** (в инициальной реплике).

(45) **И воевода нача Ст҃ополчь, ꙗздѧ вьзлѣ бѣрегъ, оукарѧти новгородци, гл҃ѧ: «Что приидосте с хромьцемь симь, а вы, плотници сущє? А приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ». Се слышавше новгородци и рѣша Ꙗрославу <…> Ꙗрославъ же заоутра, исполчивъ дружину, противу свѣту перевезесѧ** (6524 / 1016).

ДИФ «оскорбление» связана с пропозитивным содержанием высказывания (говорящий «понижает» собеседника в его социальном статусе); о том, что ИПВ было воспринято как оскорбление, свидетельствует описание последовавших действий собеседника.

6. **Угроза** (в инициальной реплике).

(46) **Ѡвогда же ли пакы в нощи прихожаху к нему, и страхъ єму творѧще ѡво вь мечтѣ, ꙗко се многъ народъ с мотыками и с лыскари,**

гл҃ще: «Раскопаемы пещеру сию и се здѣ загребемь». <…> Ѡнъ же <…> знаменасѧ кр҃стнымь знамениемь, ѡни же ищезнѧху (6582 / 1074).

ИПВ сообщает о намерении говорящего и должно быть воспринято как угроза, поскольку в нем рассказывается о действиях, представляющих опасность для собеседника.

7. **Согласие + обещание** (в реактивной реплике).

Отличие этих ИПВ от рассмотренных выше (39) и (40) состоит в том, что говорящий, беря на себя обязательство, одновременно соглашается с предложением собеседника, сделанным в предшествующей реплике.

А. **Согласие + обещание совершить однократное действие**.

(47) **И приидохъ к нему, и сѣдѧху дружина ѡколо его, и посади мѧ и рече ми: «<…> Молви ему тако: "Ѡже хощеши послати мужа своего, и воротитсѧ Володимеръ, то вдам ти которыи любо городъ: любо Всеволожь, любо Шепоть, любо Перемиль"». Азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Двдв҃у. Ѡн же рче: «<…> Послю к Володимеру, да быша не пролꙗли крови мене дѣлѧ. <…>»** (6605 / 1097).

Говорящий обещает совершить поступок, о котором просит его собеседник.

Б. **Согласие + обещание придерживаться определенной линии поведения**.

(48) (а) **Володимиръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ꙗрополчю, с лѣстью гл҃ѧ: «Поприꙗи ми! <…>». И р҃ч҃е Блудъ къ посланымъ Володимиро^м^: «Азъ буду ти въ приꙗзнь»** (6488 / 980), (б) **И сѣдѧщу ему паки на своемь столѣ, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, <…> ѹтѣши и рекъ ему: «Елма же ты, брате мои, показа ко мнѣ любовь, оуведе мѧ на столъ мои, нарекъ мѧ старѣиши себе,** (б1) **се ꙗзъ не помѧну злобы первоѣ. Ты мнѣ еси братъ, а ꙗ тобѣ, и** (б2) **положю главу свою за тѧ», еже и бы^с^.** (6488 / 980).

В (48) описываются ситуации, в которых говорящие берут на себя обязательство придерживаться определенной линии поведения на протяжении неограниченного периода времени. В (48б1) говорящий клянется **не** совершать действия, направленные против собеседника.

В (48б2) обнаруживается своеобразное совмещение значений однократности и длительности: говорящий обещает совершить поступок («**положю главу свою за тѧ**») в любой момент в будущем.

8. **Отказ** (в реактивной реплике).

(49) **И рѣша, пришедъша, послании к нему, ꙗко: «Паде жребии на сн҃ъ твои, изволиша бо и бз҃и себѣ. Да створи^м^ требу бг҃омъ». И р҃ч҃е варѧгъ: «<…> Не дамъ сн҃а своего бѣсо^м^»** (6491 / 983).

Сообщая о своем действии в будущем, говорящий отказывает собеседнику в его требовании.

9. **Согласие с предположением собеседника** (в реактивной реплике).

(50) **И р҃ѣ Глѣбъ: «То вѣси ли, что ти хощеть дн҃ь быти?» Ѡнъ же р҃ѣ: «Чюдеса велика створю»** (6579 / 1071).

Отвечая на верификативный вопрос собеседника, говорящий информирует его о своих последующих действиях (по сути, предсказывает будущее), и этот ответ подразумевает, что он согласен с предположением спросившего.

10. **Опровержение предположения собеседника** (в реактивной реплике).

(51) **И се ему гл҃щю ї ѡ положеньи тѣла оу гробѣ има. Ї р҃ѣ има Ꙗневаꙗ: «Кто вѣсть, гдѣ мѧ положать?» Р҃ѣ же еи Федосии: «Поистинѣ идѣжа азъ лѧгу, ту и ты положена будеши». Се же събы҃сѧ** (6599 / 1091).

(51) представляет собой развитие диалога, противоположное тому, которое обнаруживается в (50): предсказание говорящего таково, что предполагает его несогласие с суждением собеседника.

11. **Оценочное суждение-похвала** (в реактивной реплике).

(52) **И рече Ст҃ополкъ: «Брате, се азъ готовъ оуже». И въста Ст҃ополкъ. И рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши Русьскои земьли»** (6611 / 1103).

ИПВ (52) представляет собой реакцию говорящего на слова собеседника: он одобряет его решение.

V. Сообщение о событии (положении дел) в будущем, возможном при осуществлении условия

Говорящий информирует собеседника о событии (положении дел) в будущем, возможность осуществления которого зависит от реализации определенного условия; при этом бинарные конструкции, составляющие такие высказывания, представляют собой КРХ1.

1. **Обещание** (в инициальной реплике).

(53) (а) **Дв҃дъ затворисѧ въ градѣ, чаꙗ помочи в лѧховъ на Ст҃ополъ, бѣша бо рекли ему: «Ꙗко на тѧ приидуть русьскии кнѧзи, то мы ти будемъ помощници». И солгаша** (6605 / 1097), (б) **Путѧта же пришедъ с вои к Лу҃цьку къ Ст҃оши, сн҃у Дв҃ду, и ту бѧху мужи Дв҃ди оу Ст҃ошѣ, заходилъ бо бѣ Ст҃оша ротѣ: «Аще поидеть на тѧ Ст҃ополкъ, повѣмъ ти». И не сътвори сего Ст҃оша, но изоима мужѣ Дв҃двы, а сам поиде на Дв҃да** (6605 / 1097).

Определение (53а) и (53б) в качестве КРХ1 связано с тем, что в них обнаруживаются включенные пропозиции, описываемые условными частями: если «изъять» из конструкции условную часть, оставшаяся потеряет смысл –

не будет понятно, что именно обещано. Как и в (48б2), в (53) обнаруживается совмещение значений однократности и длительности: говорящий обещает совершить поступок в момент реализации условия в будущем.

2. **Предостережение-угроза + призыв к действию** (в инициальной реплике).

Многочисленные примеры ИПВ с функциями «предостережение-угроза + призыв к действию» оцениваются нами как КРХ1, поскольку автономное употребление их частей в рассматриваемых контекстах нерелевантно (см. подробнее в описании примера (8).

А. **Угроза совершения единичного действия**.

(54) (а) **И въстужиша люᴬє в городѣ и ркоша: «Нѣ ли ко҃г, иже бы на ѡну страну моглъ доити**[8]**? ‘’Аще не приступите оутро подъ городъ, предатися имамъ печенѣго҃м’’»** (6476 / 968), (б) см. пример (8).

Чтобы избежать действия говорящего, собеседник должен совершить то, к чему его призывают в условной части. Интересно, что в большинстве случаев в высказываниях этого типа используются формы будущего сложного I с вспомогательным глаголом **имѣти**.

Б. **Институциональное высказывание в качестве угрозы**.

(55) (а) **По сем же Володимиръ посла послы своꙗ по всему граду, гл҃ѧ: «Аще не ѡбрѧщеться кто ꙁаутра на рѣцѣ, б҃атъ ли, оубогъ, или нищь, или работенъ, противникъ мнѣ да будеть»** (6496 / 988), (б) **И на томъ цѣловаша хрестъ: «Да аще ѿселѣ кто на кого вьстанеть, то на того будемъ вси и честьныи кр҃ѣстъ»** (6605 / 1097).

Говорящий угрожает собеседнику, обещая установить такое положение дел, которое окажется для него опасным.

3. **Оценочное суждение-осуждение + призыв к действию** (в инициальной реплике).

(56) **И р҃ч҃е Болеславъ: «Аще вы сего оукора вы не жаль, аꙁъ единъ погибну». И вьсѣдъ на конь, вьбреде в рѣку, а по немь вои его** (6526 / 1018).

Говорящий вызывает у собеседника чувства стыда за тот поступок, который собеседник еще не совершал, но может совершить.

4. **Отказ + насмешка** (в реактивной реплике).

(57) **Ѡни же, вꙁемъше ѡружье, поидоша на нь и раꙁъꙗша дворъ ѡколо его. Ѡнъ же стоꙗще на сѣнехъ съ сн҃омь своимъ. Рѣша ему: «Даи сн҃а своє҃г, дамы и бм҃ъ». Ѡнъ же р҃ч҃е: «Аще суть бꙁи, то единого себе послють ба҃, да поимуть сн҃а моего. А вы чему перетеребуете имъ?»** (6491 / 983).

---

[8] Лавр.: прибавлено **и р҃ч҃е имъ**. В Соф. вместо **речи** обнаруживается подходящее по смыслу **рещи**.

Отвечая язычникам, св. мученик Феодор Варяг отвергает их требование. В то же время его ответ содержит насмешку: пропозитивное содержание ИПВ не является истинным – он требует от «богов» язычников того, чего они совершить не могут.

Заключение

На основе изложенного можно сделать несколько выводов:

1. Произнося иллокутивно полифункциональные высказывания, древнерусские коммуниканты экономят речевые усилия, используя меньшее количество знаков при сохранении объема передаваемой информации. Происходит это в диалогах с установкой на быструю смену ролей «говорящий – собеседник».

(58) **Ѡдинъ старець <…> се же слышавь, посла по старѣишины градьскыꙗ и рчѐ имъ: «Слышахъ, ꙗко хочете передатися печенѣгомъ». Ѡни же рѣша: «Не стѣрпѧть людье голода»** (6505 / 997).

Старец сообщает старейшинам, что ему известно о планах новгородцев. Оценивая уместность этого сообщения, старейшины понимают, что старец хочет убедиться в достоверности информации и/или понять причину этого решения. В качестве ответа старейшины ограничиваются изложением причины: сообщение о ней было бы бессмысленным, если бы информация не была достоверной. Таким образом, оба высказывания являются ИПВ. В «несвернутом» виде этот диалог должен был бы включать следующие реплики: «*Я слышал, что вы хотите сдаться печенегам. Так ли это? Почему вы приняли такое решение?*» – «*Да, действительно. Мы так решили, потому что люди не перенесут голода*».

2. Типовые функции ИПВ напрямую зависят от того, является ли высказывание инициальным или реактивным.

3. Типовые функции ИПВ напрямую зависят от пропозитивного содержания как самого высказывания, так и других высказываний, произносимых в данном диалогическом фрагменте.

4. Типовые функции ИПВ напрямую зависят от оценки уместности употребления этого высказывания в данном диалогическом фрагменте.

5. ИПВ могут использоваться как автономные высказывания или входить в состав комплексных речевых ходов.

6. Употребление ИПВ в ПВЛ не является исключительным явлением, а скорее представляет собой норму, особенно если речь идет о диалогах, включающих в себя несколько интеракций.

Наши предварительные наблюдения над количественным распределением и качественным составом ИПВ в диалогических фрагментах

ПВЛ показывают, что оно не является равномерным. В связи с этим одной из ближайших задач изучения ИПВ нам видится определение закономерностей их употребления в зависимости от типа речевого жанра, типа диалога (*вопросно-ответный тип*, *прескриптивный диалог* и т. д.), социальной характеристики коммуникантов, времени написания фрагмента и того, какой временной пласт в нем описывается.

Список литературы

Аллен Дж.Ф., Перро Р. Выделение коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.

Вежбицка А. Речевые жанры (В свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М., 2007.

Дементьев В.В. Вторичные речевые жанры (онтология непрямой коммуникации) // Жанры речи. Саратов, 1999.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010.

Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.

Панков Ф.И. Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы *близко*) // Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей. Вып. 28. М., 2004.

Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.

Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссиею Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926.

Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Серль). М., 2004.

Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. М., 1997.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Список сокращений

ДИФ – дополнительная иллокутивная функция

ИПВ – иллокутивно полифункциональное высказывание

ИФ – иллокутивная функция высказывания

КРА – косвенный речевой акт
КРХ – комплексный речевой ход
КРШ – комплексный речевой шаг
ПВЛ – «Повесть временных лет»
ПЕ – предикативная единица
ПРА – прямой речевой акт
РК – рамочная конструкция
ТРА – теория речевых актов
ЭРХ – элементарный речевой ход

Сведения об авторе: *Савельев Виктор Сергеевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: alfertinbox@mail.ru